

17. Российско-белорусская граница. Досье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: . – Заголовок с экрана.

18. Российско-белорусские отношения. Досье [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tass.ru/info/3996251>. – Заголовок с экрана.

19. Российско-эстонские отношения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mid.ru/ru/maps/ee?currentpage=main-country>. – Заголовок с экрана.

20. Скулаков Р. М. Международно-правовая регламентация формирования государственной территории и установления государственной границы России: Автореф. ... канд. юридических наук. – Москва, 2003. – 22 с.

21. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 №640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

References

1. Azerbajdzhan i Rossija provedut ocherednoj raund peregovorov po demarkacii granic [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://azeri.today/articles/7456/>. – Zagolovok s jekrana.

2. Glava FSB poruchil ustanovit' pogranychuju zonu v prigranichnyh s Belorussiej regionah RF [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://tass.ru/politika/3989927>. – Zagolovok s jekrana.

3. Golunov S. V. Rossijsko-kazahstanskaja granica: problemy bezopasnosti i mezhdunarodnogo sotrudnichestva: monografija. – Volgograd: Izd-vo VolGu, 2005 – 420 s.

4. Delimitacija i demarkacija gosudarstvennoj granicy. MZS Respubliki Kazahstan [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/aktualnye-voprosy-vneshnej-politiki-kazahstana/delimitatsiya-i-demarkatsiya-gosudarstvennoj-granitsy-kazahstana>. – Zagolovok s jekrana.

5. Dogovor mezhdru Rossijskoj Federaciej i Latvijskoj respublikoj o rossijsko-latvijskoj gosudarstvennoj granice ot 27 marta 2007 goda [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_498/doc498a558x582.htm. – Zagolovok s jekrana.

6. Zadorozhnyj O. V. Aneksija Krymu – mizhnarodnyj zlochyn: monografija / Ukr. asoc. mizhnar. prava, In-t mizhnar. vidnosyn Kyi'v. nac. un-tu im. Tarasa Shevchenka, Kaf. mizhnar. prava. – Kyi'v: K.I.S., 2015. – 572 s.

7. Zadorozhnyj O. V. Mizhnarodne pravo u vidnosynah Ukrai'ny ta Rosijs'koi' Federacii': monografija / Ukr. asoc. mizhnar. prava, In-t mizhnar. vidnosyn Kyi'v. nac. un-tu im. Tarasa Shevchenka, Kaf. mizhnar. prava. – Kyi'v: K.I.S., 2016. – 559 s.

8. Zadorozhnyj O. V. Porushennja agresyvnoju vijnoju Rosijs'koi' Federacii' proty Ukrai'ny osnovnyh princypiv mizhnarodnogo prava: monografija / Ukr. asoc. mizhnar. prava, In-t mizhnar. vidnosyn Kyi'v. nac. un-tu im. Tarasa Shevchenka, Kaf. mizhnar. prava. – Kyi'v: K.I.S., 2015. – 712 s.

9. Medvedev podpisal ukazy o priznanii Juzhnoj Osetii i Abhazii [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/politics/20080826/150689025.html>. – Zagolovok s jekrana.

10. Mezhdgosudarstvennye otnoshenija Rossii i Juzhnoj Osetii [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <https://ria.ru/spravka/20160331/1400048137.html>. – Zagolovok s jekrana.

11. Ministry inostrannyh del Rossii i Azerbajdzhana obmenjalis' gramotami o gosgranice [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.rosbalt.ru/main/2011/07/18/870215.html>. – Zagolovok s jekrana.

12. Ministry oborony RF i Juzhnoj Osetii podpisali soglasenie [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.interfax.ru/photo/38/5135>. – Zagolovok s jekrana.

13. Muhin V. abhazskij placdarm [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://nvo.ng.ru/nvo/2010-02-18/1_abhazia.html. – Zagolovok s jekrana.

14. Neglinina E. Demarkacija ushej [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.gazeta.ru/2005/05/23/oa_158429.shtml. – Zagolovok s jekrana.

15. Nezavisimost' Abhazii ukrepili vojskami i pozharnymi mashinami [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: www.rbc.ru/politics/18/02/2010/5704b5769a794714c9b51534. – Zagolovok s jekrana.

16. Ostrouhov N. V. Mezhdunarodno-pravovoe oformlenie gosudarstvennoj granicy Rossijskoj Federacii i sopedel'nyh gosudarstv [Jelektronnyj resurs] // Vestnik RUDN. Serija: Juridicheskie nauki.

– 2009. – №4. – Rezhim dostupa: <http://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovoe-oformlenie-gosudarstvennoj>

17. Rossijsko-belorusskaja granica. Dos'e [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: . – Zagolovok s jekrana.

18. Rossijsko-belorusskie otnoshenija. Dos'e [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://tass.ru/info/3996251>. – Zagolovok s jekrana.

19. Rossijsko-jestonskie otnoshenija [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.mid.ru/ru/maps/ee?currentpage=main-country>. – Zagolovok s jekrana.

20. Skulakov R. M. Mezhdunarodno-pravovaja reglamentacija formirovanija gosudarstvennoj territorii i ustanovlenija gosudarstvennoj granicy Rossii: Avtoref. ... kand. juridicheskikh nauk. – Moskva, 2003. – 22 s.

21. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 30.11.2016 №640 «Ob utverzhenii Konceptii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» [Jelektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

Slusarenko I. Yu., Ph.D., assistant professor, assistant professor of the Chair of International Relations and International Law, Borys Grinchenko Kyiv University (Ukraine, Kyiv), i.slusarenko@kubg.edu.ua

Peculiarities of the policy of the Russian Federation on the formation of the border with the states of the post-Soviet space

The purpose of the article is to examine the specifics of the policy of the Russian Federation in establishing the border with the states of the post-Soviet space. The research was carried out on the basis of analysis of documents, information messages and comparative analysis of the received data. The application of these methods has shown that out of the eight post-Soviet states, the process of international legal registration of the state border of the Russian Federation has been completed only with the Republic of Lithuania. There are serious problems with the design of the state border with Georgia. The Russian Federation recognizes the self-proclaimed Abkhazian Republic and the Republic of South Ossetia. It annexed part of the Ukrainian territory – the Autonomous Republic of Crimea, and also intervenes in Ukraine's internal affairs by constructing and supporting separatism in parts of the Donetsk and Lugansk regions.

Keywords: state border, demarcation, Russia, post-Soviet space, separatism.

* * *

УДК 327

Трофимов Е. А.,

кандидат политических наук, доцент
(Россия, Благовещенск), trewal15@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИИ И В УКРАИНЕ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Проблема формирования национальной идентичности имеет общетеоретическую и практическую значимость, актуальность для стран с демократическим и авторитарным политическим режимом. Особое место проблема формирования национальной идентичности занимает в политических «гибридных» политиках, становясь индикатором развития политических систем.

Гипотеза исследования: процесс формирования национальной идентичности амбивалентен и коррелирует с типом политического режима. В российском политическом дискурсе формирование национальной идентичности связано с поддержанием великодержавия, стремлением stato растворить в «едином общем» самобытность многочисленных народов; в украинском – с балансированием между европейскими и «самобытными» ценностями, сочетанием умеренного национализма с русофобией. В российской и украинской политиках процесс коррекции национальной идентичности политизированы и представляют способ легитимации действующих государств.

Методы исследования: диалектический, логический, социологический.

Ключевые слова: национальная идентичность, этногенез, авторитаризм, этатизм, национальный конфликт, государственный контроль за населением.

(статья друкується мовою оригіналу)

1. Национальная идентичность: мифологизированная или осознанная реальность?

С момента виртуализации в сознании индивидуумов феномена «нация» и формирования «национальных государств» в политической мысли появились, как минимум, три гипотезы в вопросе онтогенеза нации. Конструктивистская – нация возникла как политическая технология, основанная на замене религиозного (или иного проекта) проектом национальным. Так, П. Бурдьё пишет: «Власть, навязывающая определённые представления, выявляющая и определяющая имплицитное социальное расслоение, оказывается преимущественно политической властью: она способна создавать новые группы, манипулировать объективной структурой общества. <...> превращает простые множества людей, до того только случайно пересекавшихся, в институциональные, конституированные формы [21]. Исследователь проблем национализма Э. Геллнер считает, что «национализм не есть пробуждение наций к самосознанию: он изобретает нации там, где их нет» [27, р. 169]. Схожих взглядов придерживаются Б. Андерсон, Р. Брубейкер, Э. Хобсбаум [1; 25; 26].

Примордиалистская, связывающая появление нации с осознанием этносами доиндустриального общества «кровного родства», которое подтолкнуло их к укреплению и защите «рода». В «Очерках теории этноса» Ю. В. Бромлей отмечает неразрывное единство социального с этническим в этносоциальных отношениях и первостепенную роль этнических компонентов в организации социальных организмов всех типов, включая нации [2, с. 67], а Л. Н. Гумилёв утверждает, что «этнические процессы не являются разновидностью социальных, хотя и постоянно взаимодействуют с ними» [5].

Представители естествознания выдвинули инструменталистскую гипотезу происхождения нации, закономерно связав онтогенез последней с рациональным выбором *Homo sapiens*, поиском индивидуумами наилучших вариантов сосуществования, социальными экспериментами, познанием мира, инструментом достижения политических и экономических целей. В той или иной мере, к числу инструменталистов можно отнести американского «художника-анатома» П. У. Бриджмена и философа, представителя рационализма Дж. Дьюи, немецких физиков Г. Герца и Г. Р. Кирхгофа, английского астрофизика А. С. Эддингтона и др.

Несмотря на то, что и сегодня в политологическом сообществе ведутся дискуссии о происхождении нации, их анализ *in nuce* имеет идеологический характер, усиливающий позиции конструктивистов и инструменталистов.

2. Национальная идентичность и политический режим

Результаты процесса формирования национальной идентичности коррелируют с типом политического режима. В демократических системах процесс формирования национальной идентичности, как правило, не лежит в сфере интересов государства – «ночного сторожа» и восходит к интересу индивидуумов защитить социокультурные комплексы, сформированные в различных условиях, а, следовательно, отличающиеся своими характеристиками. Многообразие социокультурных комплексов создает поликультурную мозаику, обогащающую культуру индивидуумов, а конкуренция между их создателями в границах позитивного

социогенеза, стимулирует как развитие «базовых» этнических групп, так и образование групп новых. Последний процесс, основанный на формировании полиэтнической среды, способствует усложнению коммуникативных сетей и ведет к социальному прогрессу. Единственным условием образования поликультурной мозаики является высокая степень толерантности индивидуумов, не позволяющая конфликту между этническими группами выходить за пределы их мирного сосуществования. Как писал основоположник конфликтологии Р. Дарендорф «... конфликт является отцом всех вещей, т.е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной» [7, с. 147].

В демократических полициях национальная идентичность, как и идентичность по иным признакам, позволяет также индивидуумам преодолевать психологическое чувство одиночества и получать *maximum* от кооперации. Чувство одиночества порождает у индивидуума страх перед социумом, превращая его в изгоя, консолидация на основе национальной принадлежности делает его одним из многих, частью целого; а совместная деятельность позволяет индивидуумам эффективнее решать проблемы, стоящие перед совокупным «Я-обществом».

В авторитарных системах национальная идентичность формируется государством и выступает механизмом государственного контроля за населением, витализируя дихотомию «разделение–объединение». Объединительный процесс, порождает результат аналогичный заложенному в принципе «*Divide et impera*», стирает индивидуальные противоречия, превращает индивидуума в *homunculus*, ищущего поддержки у Левиафана, претендующего на выражении воли всех и каждого. В итоге, механизмы искусственной кооперации ведут к укреплению властного положения индивидуумов, а к укреплению отдельных структур социума, начиная от государства и заканчивая лидерами общественного мнения, статус которых в автократиях санкционируется Левиафаном. Систему, в которой управление строится не на прямом государственном насилии, а на слабости внешне сильных акторов или квазиинститутов, контролирующих соответствующие сегменты общества, следует назвать неототалитарной. Процесс национальной идентификации, порождая неототалитаризм, вступает в противоречие с идеями постмодернистов [10; 11; 24; 25], становясь препятствием для демократического развития автократий и ингибитором развития демократий.

3. Национальная идентификация, самоидентификация и политическая стабильность

В условиях демократии, национальная идентификация способствует стабильности политического пространства и нейтрализации акторов дестабилизации, позволяя обладателям сегментированного политического сознания «переключаться» на защиту дискриминируемых ценностей и их носителей. Данный процесс не рассматривается современной политической наукой (по крайней мере, автору исследования не известны труды по данной проблеме), а речь чаще идет об одной стороне унификации социума, носящей негативный характер – утрате людьми индивидуальной и коллективной идентичности, способности отстаивать «совместные»

интересы [10, с. 256; 24, с. 157]. Последний подход субъективен и расходится с законом усложнения систем, предполагающим обеспечение сбалансированности среды в условиях роста ее гетерогенности; а его популярность связана прежде всего со стремлением государства сохранить конструктивистский потенциал в национальной сфере. Действительно, сегодня можно наблюдать различные нарушения процессов национальной идентификации, в том плане, в котором мы их привыкли рассматривать – нарушение стабильности сообществ и целостности «Я–ощущения», формирование неустойчивых связей в коммуникациях, появление «изменников», «сепаратистов» и т.д. Но данный процесс недопустимо трактовать в рамках традиционной парадигмы, так он вышел за ее пределы и приобрел новое содержание.

В ключе нового видения этнонациональных процессов, речь следует вести не о социальной деградации «унифицированного» человека, пребывающего в «массовом обществе», а о его совершенствовании, формировании в сознании индивидуума либо множественных центров самоидентификации¹, либо сегментации первичного целостного ядра самоидентификации. Структурное усложнение сознания *Homo sapiens* способствует выживанию политического актора в условиях изменчивости политического бытия. При этом сегментация ядра самоидентификации не ведет к маргинализации, так как каждое из ядер–сегментов имеет высокую степень определенности (или устойчивости). В различных условиях внешней среды, отдельные сегменты самоидентификационных ядер находятся либо в состоянии анабиоза, либо активности, что позволяет субъекту социальных отношений не только выжить в условиях иллюзорной хаотизации мира, минимизировав разрушительное влияние конфликта, но и извлечь из ситуации выгоду.

Сегментация личностной самоидентификации в конкретных политических условиях способствует развитию активного творческого начала личности, ее вовлечению в различные политические и социальные проекты, что позволяет человеку ощутить сопричастность с жизнями представителей различных социальных общностей, включая национальные. Солидаризовавшись с ними, уже не просто *Homo sapiens*, а *Homo politicus* обеспечивает стабильное политическое развитие социума, так как становится деятельным участником развития институционального дизайна системы, ее внутренних горизонтальных связей.

Данная идея тесно связана с принципами модели «индивидуальной свободы и культурного выбора», смысл которой состоит в признании уважительного отношения ко всем культурам, признания каждой из них несомненной ценностью. Идея множественной самоидентификации даже выходит за границы модели «индивидуальной свободы и культурного выбора» в силу того, что сам носитель сегментированного ядра становится носителем множественных культур, а любое его заявление против какой-либо из них, становится заявлением против самого себя.

¹ Тут мы становимся на позиции тех исследователей, которые исходят из того, что личностная самоидентификация складывается под влиянием на нее социальной идентичности [29].

Множественная самоидентификация личности в процессе наложения ее принадлежности на социальные статусы других субъектов социальных отношений предоставляет человеку выбор, возможно, более лучший, чем тот который ему предоставляет государство или коллективные формы взаимоотношений индивидуумов. Перед политическим актором с сегментированным этнонациональным сознанием открывается поливариативность самоопределения в зависимости от ситуации, что делает его гибким в новой социально–политической реальности. Атомизация субъектов политических отношений, позволит индивидуумам в опасных для существования условиях кооперироваться с другими, умножая личный властный потенциал, способствуя устойчивости развития общества.

4. Особенности механизма национальной идентификации в России и в Украине

Несмотря на заложенные в механизме национальной идентификации противоречия, он широко используется современными автократиями, но в каждой из стран он имеет особенности.

4.1. Россия

Россия исторически формировалась как полиэтническая страна. В феодальный период ключевым критерием «государственной» кадровой политики являлись факторы лояльности и вероисповедание, а критерий «национальная принадлежность», отраженный в понятиях «иноземец», «басурманин», «нехристь» находился в зависимости от *Regis voluntas* и характера клиентелистской сети.

В советский период, система рекрутирования качественно не изменилась, но формально было провозглашено равенство этнических групп. Подавляющее большинство в руководстве союзных органов КПСС на протяжении почти всей истории СССР составляли русские и украинцы; в республиканских органах – представители «коренной» нации, но под контролем русских – «московских кураторов» [22, с. 2–4]. Преимущества статуса «русский» косвенно обнаруживалось в выборе родителями, один из которых являлся русским, соответствующего национального статуса ребенку [32, р. 1073]. Депортированные народы в советской системе вплоть до перестройки оставались «неблагонадежными», их права ограничивались, возможность получения ими руководящей должности была значительно ниже, чем у представителей «титულიной» и «коренной» нации. В той или иной мере это касалось и представителей мусульманских народов. Вместе с тем, уже в СССР осуществлялись попытки проведения политики «плавильного котла» и образования единой «советской» нации.

Процесс советизации современного российского социума привел к возникновению схожего рода попыток – от создания полноценной российской нации при сохранении идентичности других народов [12] до провозглашения русского народа «государствообразующим» [3]. Тренд на поддержание «российской нации» как великой, всемогущей, непобедимой, богоизбранной, впитавшей в себя победы всех времен и народов, проживавших как в царской России, так и в СССР, является частью современной информационной и образовательной российской политики, перекликаясь с комплексом традиционных

великодержавных идей от «Москва–Третий Рим» до «Россия – особая цивилизация»; мифологизации прошлого и переписывания истории в угоду политической конъюнктуры.

Стремление Российского «государства» сформировать «российскую нацию», растворив в ней национальную идентичность составляющих Россию народов бессмысленны и создают опасность для возникновения неконтролируемых национальных протестов; провозглашение же «русских» титульной нацией ведет к формированию среды для развития дискриминации по принципу национальной принадлежности. Ситуация в этнонациональной сфере России сохраняется стабильной исключительно по причине неэффективности «центрального аппарата» и слабости «государственных учреждений» в регионах, по мере возможностей использующих национальную проблематику в стратегии «аккуратный национализм» [23].

4.2. Украина

Однотипные по результату процессы реализуются современным украинским Левиафаном, однако последние имеют специфику, связанную, как минимум, с: а) умеренностью украинского национального дискурса; б) противостоянием Украины России как стране агрессору, русофобией.

Умеренность украинского национального дискурса строится на амбивалентной политике Украины к странам Западной Европы как стратегическому политическому и экономическому партнеру. С одной стороны, украинское государство заявляет, что «Украина – это Европа» и делает выбор в направлении «Евроинтеграция» [19]; с другой стороны, стремясь построить новое «государство», в котором украинская нация обладает «самостью» и единством, украинские элиты реанимируют национальный дискурс, питая склонность к символизму и умеренному национализму.

Начиная с 2014 года, важной чертой украинского политического процесса стало деруссификация политического пространства, осуществляемая под видом декоммунизации: изменение название городов, улиц, проулков, скверов, парков и т.д.¹; принятие дискриминационных решений в отношении «малых народов», нарушающих нормы международного права, в частности, положения Конвенции о правах меньшинств [20]. Так, в отношении принятой в сентябре 2017 года Верховной Радой Украины новой редакции закона «Об образовании» министр иностранных дел и торговли Венгрии П. Сиджарто заявил: «Мы считаем позорным, что изменения (в закон) сильно нарушают права венгерского меньшинства, и позорно, что страна, которая стремится развивать все более тесные отношения с Европейским Союзом, приняла решение, которое полностью противоречит европейским ценностям. Недопустимо, что Украина лишила венгров права получать образование на родном языке в школах и университетах, и оставила им возможность сделать это в детских садах и начальных

¹ В апреле 2015 года Верховная Рада Украины приняла закон о декоммунизации, который содержит требования переименовать все географические названия, связанные с советским партийным руководством. Переименование улиц, как правило, осуществляется при опоре на список из 520 имен исторических деятелей, которые нельзя использовать в названиях улиц и топонимов по закону о декоммунизации [33].

классах» [8]. Схожую обеспокоенность выразили и другие стороны международных отношений, в том числе Россия, Болгария и Румыния. В опубликованной в октябре 2017 года Резолюции ПАСЕ 2189 по «Закону об образовании» также выражена обеспокоенность процессами ограничения прав «национальных меньшинств» в Украине [34].

Проведенное в Центральной Украине (г. Черкассы) социологическое исследование демонстрирует расхождение между процессами украинизации и политическими взглядами большей части респондентов [14]. Даже молодежь, традиционно расположенная к политическому радикализму и подверженная манипулированию, демонстрирует ориентацию на европейские ценности и культурно–национальное разнообразие, *et vice versa*, мужчины в возрасте 60 лет и старше, выступая за открытость украинской политики, демонстрируют повышенную степень национализма и интолерантности.

Но ключевая стратегия украинского государства в формировании национальной идентичности заключается в розыгрыше антироссийской карты, фантомно сближающей Украину со странами «старой демократии». В информационном плане стратегия предполагает: а) освещение преступных фактов деятельности КПСС на территории советской Украины. При этом замалчиваются схожие факты деятельности КПСС на территории других административных единиц бывшего СССР – от Прибалтики до Дальнего Востока; б) распространение мифа об историческом тяготении Украины к Западу, чем к Востоку; в) одностороннее рассмотрение крымской проблемы – как «операции российских спецслужб» при практическом табуировании вопроса о косности норм международного права и слабости гражданского общества в украинском Крыму; г) отнесение к разряду «нежелательных» вопроса федерализации Украины (при этом федерализм несправедливо трактуется как угроза целостности и единства страны [16; 17; 18], а не как механизм гармонизации отношений «Центр–регион») и, рассмотрения проблемы сепаратистских республик ЛНР и ДНР исключительно как российской агрессии.

Перечисленные способы формирования нового «государства–нации» являются способами формирования национальной идентичности народа Украины, но в большей степени выступают инструментами легитимации украинского истеблишмента.

Выбранные Россией и Украиной стратегии формирования национальной идентичности скрывают потенциальную опасность для формирования добрососедских отношений между населением двух стран, ведут к социокультурной деградации российского и украинского социумов, становлению неототалитарных политических сред в странах–соседах, росту напряжения в межстрановых отношениях.

5. Национальная идентичность и формирование целостного политического пространства: в поисках укрепления добрососедских отношений между российским и украинским народами

Вопрос о позитивном национальном мутагенезе российского и украинского народов стоит в разряде одних из важнейших в российско–украинских отношениях. Учитывая сходства двух политик, их этатистско–ориентированный характер, поиск

добрососедских отношений между народами двух стран следует связывать с трансформацией государственных образований. Перспективы демократической трансформации, как в Украине, так и в России, представляются маловероятными, что подтверждает опрос российских и украинских экспертов, образно выраженный в формуле «Немного лучше, немного хуже!» [13].

Выход из сложившейся ситуации находится в совокупности и сочетании следующих факторов: а) усилении кризиса самодержавного правления в России до степени, не позволяющей российскому «государству» (по терминологии Н. М. Казанцева [9]) участвовать в гибридных войнах на территории государств-соседей; б) отказе политических элит Украины от формирования «нации-государства» с помощью антироссийской пропаганды при выработке научно обоснованной концепции решения внутривнутриполитических проблем. Речь в данном случае идет о методах построения демократического правового социального государства и сильного гражданского общества, заимствовании демократических практик общежития у стран «старой демократии», США, Австралии, Канады, Израиля и др.; в) способности населения России и Украины понять, что индивидуумы, населяющие различные страны, равны, их национальные традиции в равной степени имеют право на существование, а их культуры лишены преимуществ и «избранности»; г) и, *punctum puncti*, у народов двух стран должно наступить осознание того, что даже демократическое государство – это самостоятельный актор политического бытия, склонный конструировать политическую реальность исходя из собственных интересов, поэтому требует каждодневного контроля, не ограниченного исключительно избирательным процессом.

Заключение. «Национальная идентичность» – термин, в большей степени относимый к конструктивизму и инструментализму. Его природа связана с онтологией государства, стремлением *stato* контролировать общество, иррационализируя сознание индивидуумов, подменяя общечеловеческие ценности ценностями групповыми.

В современных политиях процесс национальной идентификации коррелирует с характером политического режима: в демократиях он является результатом стремления социальной группы сохранить «самость», культурные и другие отличия, и, как правило, выведен из сферы государственного контроля; в авторитарных и тоталитарных системах – выполняет инструментальную функцию, основанную на растворении государством индивидуума в «Мы-общем», противопоставлении «Мы-они».

Процесс национальной идентификации, осуществляемый государством, как правило, опирается на историческое прошлое и конъюнктуру настоящего, имеет выраженную мифологическую составляющую, но подчинен политической рациональности. Применительно к странам, выступающим объектом исследования настоящей статьи, он проявляется в поддержании у россиян идеи великодержавия, мифической принадлежности «русских» (или «россиян») к особой цивилизации; у украинцев – в балансировании между европейской культурой «смещения и переплетения» и «самобытностью», сочетании умеренного наци-

онализма с русофобией. Выбранные Россией и Украиной способы формирования национальной идентичности потенциально опасны для обеих стран и являются способами легитимации соответствующих государств, существующих в условиях неопределенного политического будущего.

Список использованных источников

- Андерсон Б. Воображаемые общества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
- Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 418 с.
- Владимир Путин. Россия: национальный вопрос. – URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
- Грушевский М. Очерк истории украинского народа. 2-е изд. – Киев, 1991. – 400 с.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe06.htm>.
- Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома. – 35 с. – URL: file:///C:/Users/user/Desktop/книги%202/Ризома%20Zh_Delyoz_i_F_Gvattari_-_Rizoma.pdf.
- Дарендорф Р. Элементы теории и социального конфликта // СОЦИС: Социологические исследования, 1994. – №5. – С.142–147.
- Из-за нового закона об образовании на Украину с резкой критикой набросились Венгрия и Румыния. – URL: http://24tv.ua/ukraina_tag1119?utm_source=seoscopy.
- Казанцев Н. М. Государствообразующим институтом у нас является коррупция // Проблемы современного государственного управления в России. Материалы научного семинара. – Вып.9 (30). Европейская и российская модели государственного управления: сравнительный анализ. – М.: Научный эксперт, 2010. – С.75–80.
- Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1896. – 330 с.
- Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А. А. Юдина; сост., предисл. В. Ю. Кузнецова. М.: АСТ, 2002. – 526, [2] с.
- Медведев вслед за Ельциным попытается создать единую «российскую нацию»; в прошлый раз получилось «не до конца». – URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/02/11/n_1701318.shtml.
- Немного хуже, немного лучше: квинтэссенция мнения экспертов на политический процесс в России и в Украине. – URL: <http://e-trofimov.com/nemnogo-huzhe-nemnogo-luchshe-kvintessenciya-mneniya-ekspertov-na-politicheskiy-process-v-rossii-i-ukrainu>.
- О фантомности украинского национализма. – <http://e-trofimov.com/o-fantomnosti-ukrainskogo-nacionalizma-0>.
- Попов А. В. Мультикультурализм и национальная идентичность в контексте современности // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – Т.199. – С.73–83.
- Порошенко о федерализации Украины. – URL: <http://s-narodom.ru/ukraine/11538-poroshenko-o-federalizacii-ukrainy.html>.
- Порошенко: Украина есть и будет унитарным государством. – URL: <https://ria.ru/world/20140607/1011087110.html>
- Порошенко: Украина не будет федеративной, 85% украинцев – за унитарное государство. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1891415.html>.
- Порошенко: Украина – это часть Европы со времен Ярослава Мудрого и Анны Ярославны, которую вчера пытался «похитить» Путин. – URL: <https://112.ua/glavnye-novosti/poroshenko-ukraina-eto-chast-evropy-so-vremen-yaroslava-mudrogo-i-anny-yaroslavny-kotoruyu-vchera-pytalsya-pohitit-putin-392991.html>.
- Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. Страсбург; 1 февраля 1995 г. – URL: <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets157.html>.
- Социальное пространство и символическая власть. Лекция Пьера Бурдьё. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/883>.
- Тишков В. А. Национальность – коммунист? (Этнополитический анализ КПСС) // ПОЛИС: Политические исследования, 1991. – №2. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicacii_Polisa/T/1991-2-3-Tishkov_Nacionalnost-kommunist.pdf.

23. Трофимов Е. А. Концепция «аккуратного национализма» как элемент государственной политики России: оценка текущего момента и политический прогноз // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». – Орел: Изд-во «Горизонт», 2015. – №3. – С.131–134.
24. Фромм Э. Здоровое общество. – URL: http://www.koob.ru/fromm_yerih/zdorovoe_obshestvo.
25. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб.: Алетея, 1998. – 119 с.
26. Brubaker R. Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press. 1996. – 202 p.
27. Gellner E. Thought and Change. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1964. – 224 p.
28. Міхновський М. Самостійна Україна // Самостійна Україна. Збірка. – URL: http://prosvitjanyn.org.ua/index.php?id=181&Itemid=9&option=com_content&task=view.
29. Reid A., Deaux K. Relationship Between Social and Personal Identities Segregation or Integration? // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol.71. – №6. – P.1084–1091.
30. Risman D., Glaser N., Danney R. Lonely crowd. The study of American character. – New York, 1950. – 392 p.
31. Рудницький С. Чому ми хочемо самостійної України? // Чому ми хочемо самостійної України. Збірка. – Львів, 1994. – 416 с.
32. Simonsen S. Inheriting the Soviet policy toolbox: Russia's dilemma over ascriptive nationality // Europe–Asia Studies. – 1999. – Vol.51. – №6. – P.1069–1087.
33. Список осіб, які підпадають під закон про декомунізацію. – URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsiyu>.
34. The new Ukrainian law on education: a major impediment to the teaching of national minorities' mother tongues. – URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=24218&lang=EN&search=Y2F0ZWdvcnlf3RyX2VuOiJBZG9wdGVkIHRleHQi>.
14. O fantomnosti ukrainskogo nacionalizma. – <http://e-trofimov.com/o-fantomnosti-ukrainskogo-nacionalizma-0>.
15. Popov A. V. Mul'tikul'turalizm i nacional'naja identichnost' v kontekste sovremennosti // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2013. – T.199. – S.73–83.
16. Poroshenko o federalizacii Ukrainy. – URL: <http://s-narodom.ru/ukraine/11538-poroshenko-o-federalizacii-ukrainy.html>.
17. Poroshenko: Ukraina est' i budet unitarnym gosudarstvom. – URL: <https://ria.ru/world/20140607/1011087110.html>
18. Poroshenko: Ukraina ne budet federativnoj, 85% ukraincev – za unitarnoe gosudarstvo. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1891415.html>.
19. Poroshenko: Ukraina – jeto chast' Evropy so vremen Jaroslava Mudrogo i Anny Jaroslavny, kotoruju vchera pytalsja «pohitit» Putin. – URL: <https://112.ua/glavnye-novosti/poroshenko-ukraina-eto-chast-evropy-so-vremen-jaroslava-mudrogo-i-anny-jaroslavny-kotoruyu-vchera-pytalsya-pohitit-putin-392991.html>.
20. Ramochnaja konvencija o zashhite nacional'nyh men'shinstv. Strasburg, 1 fevralja 1995 g. – URL: <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets157.html>.
21. Social'noe prostranstvo i simvolicheskaja vlast'. Lekcija P'era Burd'jo. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/883>.
22. Tishkov V. A. Nacional'nost' – kommunist? (Jetnopoliticheskij analiz KPSS) // POLIS: Politicheskie issledovanija, 1991. – №2. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/T/1991-2-3-Tishkov_Nacionalnost-kommunist.pdf.
23. Trofimov E. A. Koncepcija «akkuratno nacionalizma» kak jelement gosudarstvennoj politiki Rossii: ocnka tekushhego momenta i politicheskij prognoz // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Novye gumanitarnye issledovanija». – Орел: Изд-во «Горизонт», 2015. – №3. – С.131–134.
24. Fromm Je. Zdorovoe obshestvo. – URL: http://www.koob.ru/fromm_yerih/zdorovoe_obshestvo.
25. Hobsbaum Je. Nacii i nacionalizm posle 1780 goda. – SPb.: Alerteja, 1998. – 119 s.
26. Brubaker R. Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press. 1996. – 202 p.
27. Gellner E. Thought and Change. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1964. – 224 p.
28. Mihnov's'kyj M. Samostijna Ukrai'na // Samostijna Ukrai'na. Zbirka. – URL: http://prosvitjanyn.org.ua/index.php?id=181&Itemid=9&option=com_content&task=view.
29. Reid A., Deaux K. Relationship Between Social and Personal Identities Segregation or Integration? // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol.71. – №6. – P.1084–1091.
30. Risman D., Glaser N., Danney R. Lonely crowd. The study of American character. – New York, 1950. – 392 p.
31. Rudnyc'kyj S. Chomu my hochemo samostijnoi' Ukrai'ny? // Chomu my hochemo samostijnoi' Ukrai'ny. Zbirka. – L'viv, 1994. – 416 s.
32. Simonsen S. Inheriting the Soviet policy toolbox: Russia's dilemma over ascriptive nationality // Europe–Asia Studies. – 1999. – Vol.51. – №6. – P.1069–1087.
33. Spysok osib, jaki pidpadajut' pid zakon pro dekomunizaciju. – URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsiyu>.
34. The new Ukrainian law on education: a major impediment to the teaching of national minorities' mother tongues. – URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=24218&lang=EN&search=Y2F0ZWdvcnlf3RyX2VuOiJBZG9wdGVkIHRleHQi>.

References

1. Anderson B. Vobrazhaemye obshhestva. Razmyshlenija ob istokah i rasprostranenii nacionalizma. – M.: KANON-PRESS-C, Kuchkovo pole, 2001. – 288 s.
2. Bromlej Ju. V. Ocherki teorii jetnosa. – M.: Nauka, 1983. – 418 s.
3. Vladimir Putin. Rossiya: nacional'nyj vopros. – URL: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
4. Grushevskij M. Ocherk istorii ukrainskogo naroda. 2-e izd. – Kiev, 1991. – 400 s.
5. Gumilev L. N. Jetnogenez i biosfera Zemli. – L., 1990. – URL: <http://gumilevica.kulichki.net/EBE/ebe06.htm>.
6. Delez Zh., Gvattari F. Rizoma. – 35 s. – URL: file:///C:/Users/user/Desktop/knigi%20Rizoma%20Zh_Delyoz_i_F_Gvattari_-_Rizoma.pdf.
7. Darendorf R. Jelementy teorii i social'nogo konflikta // SOCIS: Sociologicheskie issledovanija, 1994. – №5. – S.142–147.
8. Iz-za novogo zakona ob obrazovanii na Ukrainu s rezkoj kritikoj nabrosilis' Vengrija i Rumynija. – URL: http://24tv.ua/ru/ukraina_tag1119?utm_source=seocopy.
9. Kazancev N. M. Gosudarstvoobrazujushhim institutom u nas javljaetsja korrupcija // Problemy sovremennogo gosudarstvennogo upravlenija v Rossii. Materialy nauchnogo seminar. – Vyp.9 (30). Evropejskaja i rossijskaja modeli gosudarstvennogo upravlenija: sravnitel'nyj analiz. – M.: Nauchnyj jekspert, 2010. – S.75–80.
10. Lebon G. Psihologija narodov i mass. – SPb.: Izdanie F. Pavlenkova, 1896. – 330 s.
11. Markuze G. Jeros i civilizacija. Odnomernyj chelovek: Issledovanie ideologii razvitiogo industrial'nogo obshhestva / G. Markuze; per. s angl., poslesl., primech. A. A. Judina; sost., predisl. V. Ju. Kuznecova. M.: ACT, 2002. – 526, [2] s.
12. Medvedev vsled za El'cinyem popytaetsja sozdat' edinuju «rossijskiju naciju»; v proshlyj raz poluchilos' «ne do konca». – URL: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/02/11/n_1701318.shtml.
13. Nemnogo huzhe, nemnogo luchshe: kvintjessencija mnenija jekspertov na politicheskij process v Rossii i v Ukraine. – URL: <http://e-trofimov.com/nemnogo-huzhe-nemnogo-luchshe-kvintjessenciya-mneniya-ekspertov-na-politicheskij-process-v-rossii-i>.
14. O fantomnosti ukrainskogo nacionalizma. – <http://e-trofimov.com/o-fantomnosti-ukrainskogo-nacionalizma-0>.
15. Popov A. V. Mul'tikul'turalizm i nacional'naja identichnost' v kontekste sovremennosti // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. – 2013. – T.199. – S.73–83.
16. Poroshenko o federalizacii Ukrainy. – URL: <http://s-narodom.ru/ukraine/11538-poroshenko-o-federalizacii-ukrainy.html>.
17. Poroshenko: Ukraina est' i budet unitarnym gosudarstvom. – URL: <https://ria.ru/world/20140607/1011087110.html>
18. Poroshenko: Ukraina ne budet federativnoj, 85% ukraincev – za unitarnoe gosudarstvo. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1891415.html>.
19. Poroshenko: Ukraina – jeto chast' Evropy so vremen Jaroslava Mudrogo i Anny Jaroslavny, kotoruju vchera pytalsja «pohitit» Putin. – URL: <https://112.ua/glavnye-novosti/poroshenko-ukraina-eto-chast-evropy-so-vremen-jaroslava-mudrogo-i-anny-jaroslavny-kotoruyu-vchera-pytalsya-pohitit-putin-392991.html>.
20. Ramochnaja konvencija o zashhite nacional'nyh men'shinstv. Strasburg, 1 fevralja 1995 g. – URL: <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets157.html>.
21. Social'noe prostranstvo i simvolicheskaja vlast'. Lekcija P'era Burd'jo. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/883>.
22. Tishkov V. A. Nacional'nost' – kommunist? (Jetnopoliticheskij analiz KPSS) // POLIS: Politicheskie issledovanija, 1991. – №2. – URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/T/1991-2-3-Tishkov_Nacionalnost-kommunist.pdf.
23. Trofimov E. A. Koncepcija «akkuratno nacionalizma» kak jelement gosudarstvennoj politiki Rossii: ocnka tekushhego momenta i politicheskij prognoz // Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Novye gumanitarnye issledovanija». – Орел: Изд-во «Горизонт», 2015. – №3. – С.131–134.
24. Fromm Je. Zdorovoe obshestvo. – URL: http://www.koob.ru/fromm_yerih/zdorovoe_obshestvo.
25. Hobsbaum Je. Nacii i nacionalizm posle 1780 goda. – SPb.: Alerteja, 1998. – 119 s.
26. Brubaker R. Nationalism reframed: Nationhood and the national question in the New Europe. – Cambridge: Cambridge University Press. 1996. – 202 p.
27. Gellner E. Thought and Change. – London: Weidenfeld and Nicolson, 1964. – 224 p.
28. Mihnov's'kyj M. Samostijna Ukrai'na // Samostijna Ukrai'na. Zbirka. – URL: http://prosvitjanyn.org.ua/index.php?id=181&Itemid=9&option=com_content&task=view.
29. Reid A., Deaux K. Relationship Between Social and Personal Identities Segregation or Integration? // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol.71. – №6. – P.1084–1091.
30. Risman D., Glaser N., Danney R. Lonely crowd. The study of American character. – New York, 1950. – 392 p.
31. Rudnyc'kyj S. Chomu my hochemo samostijnoi' Ukrai'ny? // Chomu my hochemo samostijnoi' Ukrai'ny. Zbirka. – L'viv, 1994. – 416 s.
32. Simonsen S. Inheriting the Soviet policy toolbox: Russia's dilemma over ascriptive nationality // Europe–Asia Studies. – 1999. – Vol.51. – №6. – P.1069–1087.
33. Spysok osib, jaki pidpadajut' pid zakon pro dekomunizaciju. – URL: <http://www.memory.gov.ua/publication/spisok-osib-yaki-pidpadayut-pid-zakon-pro-dekomunizatsiyu>.
34. The new Ukrainian law on education: a major impediment to the teaching of national minorities' mother tongues. – URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?fileid=24218&lang=EN&search=Y2F0ZWdvcnlf3RyX2VuOiJBZG9wdGVkIHRleHQi>.

Trofimov E. A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, trewal15@yandex.ru

Formation of national identity in Russia and Ukraine: political analysis

The problem of the formation of national identity has a general theoretical and practical significance, relevance for countries with a democratic and authoritarian political regime. The problem of the formation of national identity occupies a special place in polyethnic «hybrid» politics, becoming an indicator of the development of political systems.

Research hypothesis: the process of forming a national identity is ambivalent and correlates with the type of political regime. In the Russian political discourse, the formation of national identity is associated with the maintenance of the great power, the desire to state dissolve in the «common common» identity of numerous peoples; in Ukrainian – with balancing between European and «original» values, a combination of moderate nationalism and Russophobia. In the Russian and Ukrainian politics, the process of correcting the national identity is politicized and represents a way of legitimizing the existing states.

Research methods: dialectical, logical, sociological.

Keywords: national identity, ethnogenesis, authoritarianism, etatism, national conflict, state control over the population.

Трофимов С. А., кандидат політичних наук, доцент,
trewall15@yandex.ru

Формування національної ідентичності в Росії і в Україні: політологічний аналіз

Проблема формування національної ідентичності має загально-теоретичну і практичну значимість, актуальність для країн з демократичним і авторитарним політичним режимом. Особливе місце проблема формування національної ідентичності займає в поліетнічних «гібридних» політиях, стаючи індикатором розвитку політичних систем.

Гіпотеза дослідження: процес формування національної ідентичності амбівалентний і корелює з типом політичного режиму. У російському політичному дискурсі формування національної ідентичності пов'язано з підтриманням великої держави, прагненням stato розчинити в «єдиному спільному» самобутністі численних народів; в українському – з балансуванням між європейськими та «самобутніми» цінностями, поєднанням помірної націоналізму з русофобією. У російській та українській політиях процес корекції національної ідентичності політизовані і представляють спосіб легітимації чинних держав.

Методи дослідження: діалектичний, логічний, соціологічний.

Ключові слова: національна ідентичність, етногенез, авторитаризм, етатизм, національний конфлікт, державний контроль за населенням.

* * *

УДК 355.121

Аль-Азаві Хайдер Аділ Кадім,
аспірант кафедри міжнародних
організацій і дипломатичної служби, Інститут
міжнародних відносин Київського національного
університету ім. Тараса Шевченка (Україна, Київ),
headeradil80@yahoo.com

Роль Збройних Сил у формуванні безпекової й зовнішньої політики Турецької Республіки

Проаналізована еволюція участі й ролі Збройних сил Турецької Республіки у розробленні й реалізації безпекової та зовнішньої політики держави, з'ясовані чинники поступового усунення військових від вирішального впливу на внутрішньополітичні процеси й визначення стратегічних засад міжнародної діяльності країни.

Ключові слова: армія, безпека, держава, зовнішня політика, стратегія.

Від проголошення Турецької Республіки й до останнього часу її другі за чисельністю в НАТО Збройні сили володіли значними привілеями і були невід'ємною частиною політичної системи країни. Більше того, вони виступали головною організацією, до функцій якої входили нейтралізація й ліквідація загроз національним інтересам держави та її національній безпеці. Більшість зарубіжних аналітиків–міжнародників сходиться на думці, що армія завжди відігравала роль гаранта збереження кемалістської лінії у внутрішній і зовнішній політиці країни та захисті світських засад держави [1; 2; 3].

Чинна Конституція Турецької Республіки, розроблена Установчим меджлісом за безпосередньої участі військових і схвалена на референдумі 7 листопада 1982 р., відвела Збройним силам важливу роль у формуванні

зовнішньої політики й у питаннях гарантування національної безпеки. До прийняття в 2001–2003 рр. (на вимогу ЄС) «гармонізаційних законів», згідно статті 117 Конституції, безпекові питання обговорювалися й вирішувалися не урядом Турецької Республіки, а передусім Радою національної безпеки, більшість голосів у якій належало військовим [4]. Як державний інститут, Збройні сили вищою мірою чутливі до «захисту Турецької держави» і її світських кемалістських засад та реагували відповідно.

Низка військово–політичних переворотів (28 квітня 1960 р., 12 березня 1971 р. і 12 вересня 1980 р.), невдалих військових заколотів (22 лютого 1962 р. і 20 травня 1963 р.) та військових ультиматумів урядові (1 березня 1997 р. і в січні 2001 р.), спрямованих на недопущення повномасштабних політичних криз і захоплення влади екстремістами, передусім ісламськими фундаменталістами, призвела до створення в Туреччині багатопартійної політичної системи, в якій чітко визначались «пороги» допустимих, з погляду військових, суспільно–політичних настанов і вимог.

Військові розглядали армію як «творця, рятівника і охоронця» єдиної Турецької держави. Виклики, з котрими стикався кемалістський проект протягом десятиліть (ісламський фундаменталізм, сепаратизм, правий і лівий радикалізм), підтверджували їхню побоювання, що коли військові не виконуватимуть свою роль охоронця, ідентичність Турецької Республіки може змінитися за рахунок втрати її територіальної чи національної цілісності [1, с. 267].

На початку ХХІ ст. безпекова політика Турецької Республіки стала формуватися, виходячи з таких чинників:

- особливого значення для Анкари набула поява на міжнародній арені низки нових незалежних держав, що постали внаслідок розпаду СРСР і СФРЮ, а також окремих анклавів та цілих ісламських і тюрських регіонів, що тою чи іншою мірою тяжіють до Туреччини;

- виникли принципово нові політичні функції Туреччини у планах Заходу щодо держав Південного Кавказу і Центральної Азії, зокрема як посередника і плацдарму для економічного й політичного проникнення Заходу в ці регіони, та водночас як могутньої перешкоди на шляху експансії ісламського фундаменталізму й радикального екстремізму;

- відбувся перерозподіл і розширення функцій Туреччини у військовій організації НАТО, коли внаслідок різноманітних конфліктів, які охопили Балкани, Кавказ, Молдову, Палестину, Перську затоку і Центральну Азію, Анкара опинилася в епіцентрі міжнародної напруженості й нестабільності, перетворившись із флангової країни Північноатлантичного альянсу у «прифронтову державу».

Для успішного здійснення армією свого безпосереднього призначення турецьким військовим командуванням спільно з фахівцями Альянсу й на базі блокових документів були розроблені базові військово–стратегічні концепції будівництва та використання національних Збройних сил. Зокрема такі:

1) «Стратегічне стримування і оборона»:

- націлює на утримання Збройних сил, здатних застерігати супротивника від нападу й завдати йому превентивних ударів;